

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Л. В. ЧЕРЕПНИН

МОЯ ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

КОММЕНТАРИИ
ПРИЛОЖЕНИЯ

ТОМ
1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 93/94(092)
ББК 63.3
Ч 46

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-01-00181

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 15-04-16149

Подготовил к печати: *В. Д. Назаров*

При участии: *Н. А. Горской*, *Т. Н. Лаптевой*, *А. Г. Цыпкиной*

Введения, комментарии, заключительная статья: *В. Д. Назаров*

Справочные приложения: *И. Г. Бебих*, *Р. И. Горячевой*, *В. Д. Назарова*

При участии: *И. А. Полосухиной*, *И. В. Прониной*

Ч 46 **Черепнин Л. В.**

Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения Т. 1 / Сост.,
общ. ред. В. Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. —
400 с.; вклейка после с. 112 и 240.

ISBN 978-5-94457-250-9

Публикуемые воспоминания академика Льва Владимировича Черепнина, историка с мировым именем, авторитетнейшего специалиста по средневековой Руси, охватывают почти столетия жизни страны и общества. Мемуары вместили в себя факты его биографии в потоке событий Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны в России, периода НЭПа и первых сталинских репрессий, Великой Отечественной войны. На рубеже 1970-х гг. автор осмысливал как в его личных судьбах студента, аспиранта, заключенного, научного сотрудника, доцента преломились сложнейшие, порой трагические этапы становления советской исторической науки.

Издание снабжено комментариями, справочными разделами и статьей о творчестве Л. В. Черепнина.

УДК 93/94(092)
ББК 63.3

ISBN 978-5-94457-250-9

9 785944 572509 >

© Л. В. Черепнин, 2015
© В. Д. Назаров, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>В. Д. Назаров</i>)	5
ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН. МОЯ ЖИЗНЬ	11
КОММЕНТАРИИ	
Введение к комментариям (<i>В. Д. Назаров</i>).	179
Комментарии (<i>В. Д. Назаров</i>)	183
Из эпистолярного наследия Л. В. Черепнина (подгот. к печати <i>В. Д. Назаров</i>)	268
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Основные даты жизни, научного творчества и общественной деятельности акад. Л. В. Черепнина	273
Литература о жизни и трудах акад. Л. В. Черепнина	283
Хронологический указатель трудов акад. Л. В. Черепнина	302
Именной указатель соавторов	338
Алфавитный указатель трудов акад. Л. В. Черепнина	339
<i>В. Д. Назаров</i> . Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977). . .	357
Именной указатель	385

ВВЕДЕНИЕ

О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ «МОЯ ЖИЗНЬ»

Публикуемые мемуары академика Л. В. Черепнина, историка с мировым именем, авторитетного специалиста по истории средневековой Руси, по российской историографии несомненно вызовут большой интерес. Будущих читателей ждет немало открытий и одно из главных — сам автор воспоминаний. Те, кто знаком с его исследовательскими работами, кто слушал его курсы лекций и доклады на конференциях, участвовал в научных заседаниях, которые вел Лев Владимирович, вряд ли могли представить маститого ученого в роли наблюдательного и тонкого рассказчика с несомненным литературным даром. Его память удержала сотни людей, почти неизмеримое число событий и фактов. Читая мемуары, погружаешься в реалии повседневной действительности Рязани, Ялты, Москвы, иных городов, усадеб и имений. Перед нами живые картины и личные истории очень многих российских ученых гуманитариев и интеллигентов (учителей, врачей, юристов, артистов). И всё это в последовательной череде пяти временных пластов: дореволюционные годы, эпоха революций и гражданской войны, надежды 1920-х гг., суровые 1930-е, Отечественная война и первое послевоенное время. Емко и как бы двусторонне глазами вступающего в историческую науку молодого человека и одного из ведущих исследователей начала 1970-х гг. показаны условия существования и процесс развития этой науки, порой в уродливых формах.

Но сначала о самой рукописи.

В настоящее время известны рукописный вариант воспоминаний «Моя жизнь» и машинописный вариант текста. Возникновение последнего датируется самым концом 1970-х гг. Тогда по желанию вдовы акад. Л. В. Черепнина, Е. В. Гальпериной, Н. А. Горская (в течение многих лет она работала в секторе Истории СССР периода феодализма, Института истории СССР АН, руководимом Л. В. Черепниным) взяла на себя труд по организации перепечатки. Машинопись (в 3-х экземплярах) была тогда же сверена с рукописью Н. А. Горской и В. Д. Назаровым. Один экземпляр машинописи хранился у Е. В. Гальпериной вплоть до ее смерти в 1992 г. Его современное местонахождение неизвестно, у единственной наследницы Е. В. Гальпериной, ее внучатой племянницы, его нет. Два других экземпляра находились в личном архиве Н. А. и А. Д. Горских, а ныне у их сына А. А. Горского. Один из них был временно

предоставлен Н. А. Горской В. Д. Назарову для осуществления возможного издания воспоминаний еще в середине 1990-х гг. К сожалению, по разным обстоятельствам план не был реализован. Сама рукопись хранится в личном фонде акад. Л. В. Черепнина в Архиве Российской академии наук (ф. 1791. Оп. 1, д. 213а).

Текст воспоминаний не был автором завершен, он им не был и датирован. Решающее значение для определения возможного времени написания мемуаров имеет манера работы акад. Л. В. Черепнина. В последний период творчества (середина 1960—1970-е гг.) он писал на школьных 12-ти страничных тетрадах в линейку, имеющих на оборотной стороне обложки дату выпуска. Как правило указывались год и квартал. Всего воспоминания написаны на 44 тетрадах со следующей датировкой: тетради № 1—14 датируются вторым кварталом 1970 г.; № 5 — четвертым кварталом 1969 г.; № 16—17 — первым кварталом 1970 г.; № 18 — третьим кварталом 1969 г.; № 19—34 — вторым кварталом 1970 г.; № 35 — первым кварталом 1970 г.; № 36 — третьим кварталом 1969 г.; № 37—39 — вторым кварталом 1970 г.; № 40—41 — третьим кварталом 1970 г.; № 42—43 — вторым кварталом 1970 г.; № 44 — первым кварталом 1971 г.

Итак, хронологический диапазон выпуска тетрадей таков: третий квартал 1969 г. (всего две тетради) — первый квартал 1971 г. (1 тетрадь). При этом тетради, выпущенные в 1969 г., можно считать в явном остатке, выражаясь в терминах датировки средневековых рукописей (их всего две) и полное преобладание тетрадей с выпуском во втором квартале 1970 г. — 35 из 44. Последовательность текста мемуаров позволяет уточнить время работы над ними акад. Л. В. Черепнина. Первая треть текста написана на тетрадах, выпущенных во 2-м квартале 1970 г. Далее текст воспоминаний продолжен на тетрадах с датами выпуска третий и четвертый квартал 1969 г. и первый квартал 1970 г. (№ 15—18), то есть на имевшемся у автора запасе бумаги. Отсюда мы делаем вывод, что к письменной фиксации мемуаров автор приступил во втором квартале 1970 г.

Последняя тетрадь датируется первым кварталом 1971 г., и это указывает на время, когда акад. Л. В. Черепнин прекратил или прервал, но более не возобновлял работу над воспоминаниями — первый или второй квартал 1971 г.

Сопоставление с рядом его статей, докладов и выступлений, когда мы знаем даты или достаточно точное время указанных событий, подтверждает правильность предложенной методики. Так, в архиве хранятся тексты доклада и подготовленной на его основе статьи Л. В. Черепнина «Некоторые проблемы истории русского феодализма в трудах В. И. Ленина» (статья издана посмертно: *Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования*. М., 1981). Работы написаны в тетрадах, выпущенных в третьем квартале 1969 г., а всесоюзная конференция, где Л. В. Черепнин выступал с докладом, состоялась 24 декабря 1969 г.

Его доклад, посвященный 90-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова, зачитывался им осенью 1972 г., а его текст исполнен в тетрадах, выпущенных в первом квартале 1972 г. Доклад «К 100-летию со дня рождения Ю. В. Готье» написан в тетрадах с датой выпуска в четвертом квартале 1973 г. Он был произнесен на заседании

Ученого совета Института истории СССР АН СССР в декабре того же года. Текст статьи «Академик М. М. Богословский» зафиксирован в тетрадах, выпущенных в первом квартале 1973 г. и впервые был опубликован в 93 т. «Исторических записок» (вышел в свет в 1974 г.). Все названные выше тексты об ученых-историках были опубликованы впервые или переизданы в книге: *Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний.* М., 1984. При подготовке к печати этих работ нами и было определено время их написания, наличие в отдельных случаях двух-трех редакций авторского текста.

Датировка мемуаров акад. Л. В. Черепнина по внешним признакам тетрадей, в которых они зафиксированы, четко коррелирует с хронологическим указанием в тексте на события, синхронные или почти синхронные времени написания. Так автор говорит о «недавней смерти» двух коллег, с которыми его связывали долгие отношения: это проф. А. И. Неусихин (скончался 22 октября 1969 г.) и многолетний директор Центрального государственного архива древних актов В. Н. Шумилов (скончался 7 сентября 1970 г.). Лев Владимирович упоминает про 80-летний юбилей В. Инбер, а он случился 10 июля 1970 г. Наконец в самом конце воспоминаний он говорит о 25-летнем стаже работы в Институте истории Академии наук СССР. Штатным сотрудником Института он стал в июле 1946 г., так что заканчивал свои мемуары автор весной-летом 1971 г. Сопоставив эти хронологические подсказки с распределением тетрадей по тексту воспоминаний, мы получаем хорошо аргументированную датировку времени их создания. Начало работы относится к апрелю-июню 1970 г., а ее завершение пришлось на весну-лето 1971 г., притом вряд ли позднее июня-июля этого года.

Итак, мемуары были написаны за один год или за год и три-четыре месяца. Теперь вспомним, что за 1971—1974 гг. было опубликовано более 40 его работ, включая монографию, статьи, рецензии и более чем в 10 изданиях он же был ответственным редактором или членом редколлегии. Мы взяли такой интервал, потому что обычно выход в свет исследования происходил через один-три года после его написания. Трудно вообразить очень высокую меру интенсивности творческого труда Льва Владимировича в 1970—1971 гг. Еще сложнее понять, каким образом он нашел время для того, чтобы зафиксировать на бумаге факты своей биографии, письменно сохранить память о десятках и сотнях людей, с кем его сводили жизненные судьбы.

К сожалению, в архиве акад. Л. В. Черепнина нет документов или текстов, из которых можно было бы понять мотивы, подвигнувшие его на написание мемуаров. Точно так же мы не знаем, почему он прервал нить своего рассказа на середине — второй половине 1940-х гг. Конечно, отсылки к последующим временам, особенно к 1960-м гг., в воспоминаниях есть, без них просто нельзя было обойтись, излагая некую сумму биографических сведений о коллегах из 1930-х или 1940-х гг. Но заметим, что в тексте практически отсутствуют точные даты, редки указания на месяц события. Последовательность рассказа сохраняет в целом разбивку по годам, но она отнюдь не абсолютна. Из этого и притом сугубо предположительно можно сделать два вывода. Скорее всего, Лев Владимирович предполагал

рассказать о личном опыте становления историка-профессионала в предложенных 1920—1940-ми годами обстоятельствах. Точкой, когда процесс становления завершился, он посчитал защиту докторской диссертации в 1946 г.

Второе предположение связано с одним из направлений его исследований. С рубежа 1960—1970-х гг. в его разысканиях отчетливо различимы две ведущие темы. Это история сословного представительства и земских соборов в России XVI—XVII вв. (незадолго до смерти он завершил книгу об этом, вышедшую в свет уже после его кончины и повторно во втором томе нашего издания). Вторая тема — история нескольких поколений ученых московской школы В. О. Ключевского. Научная жизнь последней генерации прямых учеников знаменитого историка пришлось на 1920—1940-е гг. Задуманная книга должна была включать в том числе очерки творческих биографий если не всех, то по крайней мере большинства ученых этого поколения. Изданные в 1974 г. статьи об акад. М. М. Богословском и члене-корреспонденте АН СССР С. К. Богоявленском дают нам убедительное представление о том, как могли бы выглядеть эти биографические разделы в планируемой монографии*. Через своих учителей, чл.-корр. С. В. Бахрушина и чл.-корр. А. И. Яковлева, Л. В. Черепнин в истоках своего профессионального становления приходился, как другие студенты и аспиранты его круга в середине второй половины 1920-х гг., «меньшим» внуком Василия Осиповича Ключевского. Так что в занятиях Льва Владимировича в 1970—1971 гг. сложился, если угодно, гармоничный сплав историографических разысканий биографического характера о последних учениках Ключевского и автобиографического повествования и о его учителях, и коллегах по поколению. Причем хронологические границы рассказов в обоих случаях оказались очень близкими. Было ли это задумано им изначально, или же так сложилось в ходе работы над статьями и мемуарами, точно сказать нельзя. Думаем все же, что обращение к теме «Школа В. О. Ключевского» и биографический формат в ее разработке мог стать одним из побудительных мотивов к написанию текста «Моя жизнь». Повторимся, к сожалению, ни в мемуарах, ни в делах личного фонда Л. В. Черепнина нет никаких данных о его намерении продолжить работу над воспоминаниями.

Текст мемуаров Л. В. Черепнина «Моя жизнь» подготовил к печати В. Д. Назаров при участии на начальном этапе Н. А. Горской. Окончательную сверку рукописи с машинописным вариантом провели сотрудницы Архива Российской академии наук Т. Н. Лаптева и А. Г. Цыпкина. Описки автора в именах и фамилиях исправлены без специальных указаний в подстрочных примечаниях.

В. Д. Назаров

* Коллеги и ученики Льва Владимировича Черепнина в известной мере реализовали его замысел. Во втором томе его научного наследия (Отечественные историки XVIII—XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984) опубликованы его тексты о двадцати четырех российских и советских историках. Из изданных в томе работ восемь увидели свет впервые, как и две объемные рецензии на докторские диссертации по проблемам отечественной историографии.

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕРЕПНИН.

МОЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания

Я давно уже собирался написать записки о своей жизни. Зачем? Не знаю. Вероятно, для того, чтобы еще раз пережить все прожитое. Но сесть и начать писать было трудно, и я все откладывал. Однако дальше уже откладывать нельзя, ибо не далек тот час, когда будет поздно. Надо садиться и пробовать.

Я родился 30 марта 1905 г. (по старому стилю) в Рязани, в доме моих бабушки и дедушки — Алексея Ивановича и Анны Николаевны Черепниных, находившемся на углу улиц Никольской и Семинарской (после Октябрьской революции они были переименованы в улицы Карла Маркса и Фридриха Энгельса). Я давно не был в Рязани, говорят, что она сильно изменилась. Но в моей памяти встает дореволюционная Рязань. Типичный губернский дворянско-купеческий город. Непролазная грязь, через которую приходится пробираться от вокзала к центральным улицам — Почтовой и Астраханской. В центре — каменные здания дворянского собрания, суда, банка, мужской гимназии, семинарии, епархиального училища. А в разные стороны от центра идут улочки, где разбросаны одноэтажные и двухэтажные деревянные домики с садами и огородами за заборами. Через заборы свешиваются гроздья рябины, бузины. Городской сад с дорожками и беседками; там по вечерам происходит гулянье, играет военный духовой оркестр. На горе расположен рязанский кремль; здесь находится архиерейский дом, где помещается музей. Над городом возвышается собор. Через город протекают две речушки (почти канавки) — Трубуж и Лыбедь. А за городом, за полосой зеленых лугов, мелькают водные просторы Оки. Старина, восходящая еще к средневековью, сочетается с чертами дворянско-купеческого быта предреволюционной России.

Но этот старый быт был уже обречен на слом. Надвинулась первая русская революция. Моя бабушка любила подчеркивать, что я родился в знаменательный 1905 год.

Я совсем не знал своего деда — Алексея Ивановича Черепнина¹. Он умер в год моего рождения, шестидесяти с лишним лет. Как мне рассказывали, после утреннего чая сел в кресло, чтобы прочитать газету, газета выпала из рук, и всё. Сейчас бы сказали, что умер от инфаркта. Я видел лишь его портрет: видный старик с длинной седой бородой и длинными седыми волосами (он носил парик). Это был весьма незаурядный человек. Бедный мещанин, исключенный из Сельскохозяйственной академии за участие в революционном движении, он так и не получил систематического образования, но многого достиг самоучкой. Женитьба на девушке из дворянской семьи, получившей в приданое не столь большой, но достаточный

для безбедного существования капитал, дала ему возможность заняться наукой. Он выбрал археологию, и особенно нумизматику. С его именем связан ряд раскопок в Рязани и ее окрестностях, он был членом (а одно время — председателем) Рязанской архивной ученой комиссии, печатал на страницах ее «Трудов» свои исследования. Археологи и нумизматы ценят исследования А. И. Черепнина, ссылаются на них. А. В. Арциховский² как-то специально говорил мне о работах моего деда, что они оставили след в науке.

Алексей Иванович редко выезжал из Рязани (разве на археологические съезды), но в его домике (на углу Никольской и Семинарской) часто бывали известные люди. Мой отец мне рассказывал, что когда он был еще мальчиком, то к Алексею Ивановичу приезжал из Москвы А. В. Орешников, заходил к Черепниным находившийся в Рязани в ссылке П. Н. Милуков³ (отец вспоминал, что он играл на скрипке), бывал В. Н. Сторожев⁴. Алексей Иванович явился первым учителем в области археологии для В. А. Городцова⁵. Он был офицером, его часть стояла в Рязани, он стал принимать участие в раскопках, производимых А. И. Черепниным, а впоследствии сам вырос в крупного археолога — главу целой школы.

Алексей Иванович сделал многое для создания рязанского исторического музея, где сейчас, как мне говорили, висит его портрет.

С бабушкой Анной Николаевной Черепниной прошло все мое детство. Говорят, что я был ее любимым внуком. Вероятно, это потому, что в год моего рождения умер дед, дети Алексея Ивановича и Анны Николаевны были уже взрослые, таким образом, семья распалась, и бабушка все свое внимание перенесла на меня. Бабушка была очень культурная, образованная женщина. Она хорошо знала иностранные языки, любила немецкую поэзию, наизусть по-немецки декламировала большие отрывки из Гёте и Гейне. Была она поклонницей Толстого и врагом всякого насилия. Умерла она уже в 20-х годах⁶.

У Алексея Ивановича и Анны Николаевны было шесть человек детей (да двое, говорят, умерли еще в раннем детстве). Семья была патриархальная, спуску детям не давали, бывало, что применялись и меры физического воздействия. В то же время на молодом поколении благотворно отражалась культурная обстановка семьи. Моего отца Алексей Иванович брал с собой на раскопки. У отца долго хранилась одна печатная работа Алексея Ивановича с надписью «моему помощнику» (а помощник был еще мальчиком). На раскопках мальчик встречался с членами Рязанской ученой архивной комиссии — А. Д. Повалишиным, С. Д. Яхонтовым⁷ — людьми содержательными, интересными, и общение с ними помогало его культурному росту. Интересы деда передались его сыну — моему отцу, и он избрал ту же научную профессию. По окончании Рязанской гимназии Владимир Алексеевич⁸ прослушал курсы и получил дипломы трех высших учебных заведений: юридического факультета Петербургского университета, историко-филологического факультета Московского университета и Московского археологического института. Но судьба его сложилась так, что большую часть жизни пришлось работать не по специальности (об этом после).

Владимир был средним сыном Алексея Ивановича. Было еще два сына — старший Павел, младший Александр. Павел был человеком весьма одаренным, при этом очень интересным внешне (он напоминал Николая I), но в жизни неудачником. У него были незаурядные способности к музыке, он очень неплохо играл на рояле и сам сочинял, но систематически не учился, и музыканта из него не вышло. Его иногда путают с композитором Н. Н. Черепниным, но это недоразумение. Тот Черепнин — просто наш однофамилец. Увлекался Павел и сельским хозяйством, разводил каких-то кур и посылал их в Москву на выставку в Манеже. Я помню, как меня еще мальчишкой водили на подобную выставку, где дядя Паша получил какой-то приз. Всю свою жизнь Павел Алексеевич не имел своего дома, постоянного места жительства, и кочевал по всей стране. В молодости он пытался создать семью и женился на купеческой дочке, очень богатой и очень красивой, которая родила ему девочку, впоследствии тоже ставшую красавицей. Но семейная жизнь не была уделом Павла Алексеевича. К его чести, не удержали его и женины капиталы. Он бросил жену, совсем еще крошку дочь и повел жизнь скитальца. Умер он в 30-х годах в Москве, в чужой квартире, где снимал койку.

Александр Алексеевич не был так даровит, как Павел, но и это был человек незаурядный. Он обладал художественным вкусом, любил литературу, живопись, музыку, следил за всем, что было нового в этой области. Он собрал библиотеку, небольшую, но продуманную. Он поступил на юридический факультет, но не закончил его, был призван на военную службу, участвовал в русско-германской войне, после Октябрьской революции ряд лет служил в частях Красной армии, а выйдя в отставку, работал финансовым инспектором. Хотя и был женат, но семьи не получилось, во многом помешало этому излишние увлечения женщинами.

Из трех дочерей Алексея Ивановича младшая, Ольга Алексеевна (ее называли «Гуля»), умерла в ранней юности от неудачной операции. Старшая, Екатерина Алексеевна, совсем молодой вышла замуж за пожилого уже генерала Николая Николаевича Бернацкого⁹ и жила с ним в Вильно, где он был председателем военного суда. Волевая и властная, она держала мужа под своим каблучком. Жили они широко, в средствах не нуждались. Дом их был открыт для гостей. Когда началась первая мировая война, генерал уехал на фронт, а после революции оказался за пределами родины, в Польше. Екатерина Алексеевна с двумя дочерьми перебралась в Рязань, затем в Москву. Положение семьи резко изменилось, жить стало труднее. Екатерина Алексеевна вышла вторично замуж за добрейшего и преданнейшего ей человека Павла Павловича Карякина, военного медика. С его помощью она воспитала детей и внуков и дожила до старости.

Средняя дочь Алексея Ивановича, Евгения Алексеевна, вышла замуж за инженера Федора Константиновича Рындина. Знаменитый театральный художник Вадим Федорович Рындин¹⁰ — ее сын. Евгении Алексеевне пришлось перенести большую жизненную драму. Была она толстовкой, отрицательно относилась к православной церкви. Но случилось так, что ее оставил муж, ушел к другой женщине. Она осталась с маленькими детьми, растерялась, тяжело переживала обрушившееся на нее

горе, писала Толстому, спрашивала его, как быть. Через некоторое время муж вернулся к Евгении Алексеевне, она приняла его и прожила с ним до его смерти, но духовный надрыв остался. И резко изменилась психология. Она стала верующей православной христианкой, ищущей в молитве душевного покоя.

Я совсем почти не знаю родственников по матери, Юлии Ивановне Смирновой. Была она дочерью священника Ивана Ксенофонтовича Смирнова, постригшегося после смерти своей жены в монахи и впоследствии ставшего архиепископом рижским¹¹. Я видел его всего раз в жизни, в 1917 г. в Москве, куда он приезжал для выбора патриарха. Он захотел на меня посмотреть, и отец возил меня к нему, предупредив, что я должен поцеловать руку бабушки и попросить у него благословения. В моей памяти остался маленький седой старичок. Он угощал меня чаем, сладостями, расспрашивал об ученье, подарил на прощанье евангелие.

Мать свою я не помню, она умерла, когда мне было всего несколько месяцев. Я видел ее портрет. Задумчивое, проникновенное, немного грустное и бесконечно милое лицо. Одеята она в скромное темного цвета платье, с закрытой шеей и длинными рукавами. Воплощение строгости и чистоты.

Любовь у моих отца и матери началась еще в гимназические годы. Тетка Екатерина рассказывала мне, как Владимир Алексеевич пришел однажды к моему дедушке и сказал, что хочет жениться на Юле. На это последовал спокойный, но твердый ответ: «Что ты, Володюшка, или сон дурной видел? Поди проспись». Алексей Иванович никогда ничего не говорил дважды, поэтому говорить дальше было бесполезно. Попробовал Владимир Алексеевич найти поддержку у Ивана Ксенофонтовича, но тоже безуспешно. Пришлось ждать. Но любовь не прошла и когда он стал студентом, а она — курсисткой. Научные интересы у них были разные. У него была склонность к гуманитарным наукам, она училась на естественно-историческом факультете. Сближали идеалы, которыми жило тогда демократическое студенчество. Отец был причастен к студенческому революционному || (тетр. № 2) движению. Недавно М. А. Алпатов¹² и Н. С. Трусова показывали мне попавшие в их руки архивные документы об аресте Владимира Черепнина, о полицейском за ним наблюдении. Девушки-курсистки сочувствовали этому движению.

Брак Владимира Алексеевича и Юлии Ивановны был счастливым, но недолгим. Отец мой тяжело переживал смерть моей матери. Он пытался кончить жизнь самоубийством, стрелял в себя и повредил легкое. Затем он, желая рассеяться, уехал в Манчжурию, где вел какую-то работу вместе с инженером и в то же время известным писателем Н. Г. Гариным-Михайловским. О последнем отец сохранил самые теплые воспоминания, как о человеке очень интересном и хорошем.

Мое раннее детство прошло без матери и отца. Я остался на попечении бабушки, по желанию которой как будто меня и назвали Львом, по имени почитаемого ею великого русского писателя. Была при мне и няня Фекла Ивановна, вынянчавшая еще мою мать, ее братьев и сестер. Обе эти женщины любили меня и баловали. Да и все кругом меня ласкали, жалели, баловали, говорили, что я «сирота». Этот эпитет крепко пристал ко мне, и я, не понимая еще толком его смысла, научился

извлекать из него пользу. Рос я мальчишкой толстым, упрямым, требовательным. Кругом было женское общество. Мужской руки явно не хватало. Чтобы я рос «здоровеньким», пичкали меня всем, чем только можно. Молоком напаивали так, что я получил на всю жизнь к нему отвращение. Няня заботилась о моем религиозном воспитании. На кровати у меня висел деревянный образок, перед которым я утром и вечером должен был молиться. Каждый раз, по указанию няни, я «поминал» умерших своих близких, говоря одни и те же слова: «Помяни, господи, дедушку Алексея, бабушку Клашу (бабушку по матери), маму Юлю». Затем к этим покойникам прибавилась еще «тетя Гуля». Средства умственного воспитания были обычные: кубики с рисунками, из которых складывались фигуры, книжки с картинками, игры, развивающие сообразительность и смекалку. Няня рассказывала мне волшебные сказки, бабушка читала доступные стишки.

Примерно трех лет от роду я вместе с бабушкой и няней переехал в Вильно к своей тетке Екатерине Алексеевне Бернацкой. Не знаю, чем это было вызвано. Вероятно, тем, что бабушке одной было со мной трудно, а отец доучивался, быт его был неустроен, взять меня к себе* он не мог. Бернацкие жили в Вильно на Закретной улице. Мне запомнилась шести или семикомнатная квартира в доме с палисадником. На углу Закретной была церковь и большое кладбище. Когда я бывал там в детстве, меня всегда поражало обилие и разнообразие мрачных памятников и искусственных венков под стеклом. Очевидно, под впечатлением этих загробных реликвий я очень рано начал думать о смерти, и думать со страхом. Иногда проснешься ночью, явится мысль, что когда-нибудь умрешь, и станет страшно до холодного пота. Няня утешает тем, что «хорошим мальчикам» и на «том свете» будет хорошо.

Лет десять тому назад я еще раз побывал в Вильно, где не был примерно сорок лет. Захотел взглянуть на Закретную улицу. Узнал, что она теперь называется улицей Чюрлёниса¹³ (литовского художника). Был сильнейший мороз, но я все же пошел и нашел ее. Все оказалось так, как я запомнил: и дом с палисадником, и церковь, и кладбище. И даже мироощущение детских лет как бы вернулось.

У моей тетки Екатерины Алексеевны («тети Кати») было две дочери: Ольга и Татьяна. Между ними была большая разница в годах. Старшая кончала уже институт, младшая была на год старше меня. Ольга (Лёля) родилась тогда, когда мать ее сама была еще совсем юной, и поэтому ей уделялось мало внимания. Таня появилась на свет, когда тетя Катя успела уже пожить и повзрослеть, и поэтому отдала ребенку все свои душевные силы, дрожала за ее здоровье, накачивала всякими лекарствами, зацеловывала. Мои детские годы в Вильно прошли рука об руку с Таней. Мы вместе играли, читали книжки (я не помню, кто научил меня читать), рисовали. Лёля, уже девушка, а не девочка, смотрела на нас, как на игрушку, наряжала и заставляла танцевать под аккомпанемент рояля, говорить стихи. Помню, что в тот день, когда Лёля держала выпускные экзамены в институте, тетя Катя

* В рукописи описка: «взять себя ко мне».